

Глава 33

Медная монета упала на стол, издав звонкий звук.

Шэнь Игуан выплюнул то, что было у него во рту, в глазах блеснула улыбка, и он сказал:

«Спасибо, что дали мне выиграть».

В его улыбке сквозило самодовольство, юношеская гордость светилась изнутри — истинно соответствующая его возрасту.

Цяо Си молча фыркнул.

Как будто парню просто повезло — он явно пометил один из пельменей и намеренно положил его в миску Шэнь Санлана, чтобы тот его съел.

Это было явно его рук дело, но Цяо Си не сказал этого вслух. Вместо этого он подыграл: «Значит, в этом году тебе будет сопутствовать удача. Пусть исполнятся все твои желания!»

Услышав фразу «Пусть исполнятся все твои желания», Шэнь Игуан, казалось, о чём-то задумался, его тонкие губы слегка сжались. Низким голосом он произнёс: «Я принимаю твоё благословение».

После того как трое из них доели пельмени, Цяо Си снова побежал на кухню и без особого труда принёс миску с простым супом с лапшой: «Идите есть лапшу».

Но Шэнь Игуан уже наелся. Сегодня пельменей было более чем достаточно — он один съел больше шестидесяти. Неудивительно, что Цяо Си называл его бочкой для риса.

Услышав, что ещё и лапша осталась, Шэнь Игуан на мгновение замер и подумал: «Странно. Цяо Си сегодня не ругает меня за то, что я бочка для риса, и даже даёт добавки. Неужели дождь собирается?»

«Чего ты стоишь как истукан!?» — улыбка Цяо Си не продержалась и трёх секунд, как он нетерпеливо поставил миску и сказал: «Быстро иди сюда! Если лапша размякнет, будет невкусно!»

Шэнь Игуан давно привык к тому, что Цяо Си им командует, и не обижался. Он послушно сел.

Он не понимал, зачем есть лапшу после того, как уже поели, но что бы Цяо Си ни сказал, он делал — совершенно беспринципно.

Шэнь Игуан вернулся к столу и взял палочки, поднимая тонкую нить лапши из миски ко рту. Как только он откусил первый кусочек, его осенило.

«Сегодня... мой день рождения?»

Цяо Си сидел напротив, с выражением лица «Ты только сейчас понял?» «Ты у меня спрашиваешь про свой день рождения?»

Шэнь Игуан был ошеломлён на некоторое время, прежде чем твёрдо сказать: «Цэньэр тебе сказала».

Цяо Си вздохнул: «Ты действительно хорош, забыл такую важную вещь».

«Раз уж это твой день рождения, я освобожу тебя от мытья посуды. Иди отдыхай»

Шэнь Игуан сразу был ошеломлён: «Но тогда тебе придётся тяжело?»

«Почему мне должно быть тяжело?» — Цяо Си странно посмотрел на него. «Если ты не будешь это делать, кто-то другой будет».

Шэнь Игуан дёрнул веком и резко повернул голову. Точно, он увидел маленькую фигурку Цэньэра, присевшую перед тазиком и усердно работающую.

«...!!! Шэнь Игуан от испуга чуть не выронил миску и едва не лишился чувств.

Это же был будущий наследный принц Великой династии Е! Благородный, возвышенный маленький император!

А Цяо Си не только заставил его кормить кур — теперь он ещё и заставил его мыть посуду в канун Нового года, посреди зимы!

У Шэнь Игуана закружилась голова, он тут же встал, чтобы оттащить Цэнь'эра, но Цяо Си остановил его.

— Чего паникуешь? В тазу горячая вода — твой драгоценный племянник не замёрзнет! — лениво сказал Цяо Си. — К тому же, ему нравится. Совсем не похоже, чтобы он был против. Если он не разобьёт пару мисок за минуту, это будет чудом.

Шэнь Игуан был наполовину убеждён и молча наблюдал.

И точно, Цэньэр сидел на корточках у тазика и весело играл. Он вовсе не чувствовал себя принуждённым, а на самом деле думал, что мыть посуду — весёлая игра. Но прежде чем Шэнь Игуан успел полностью успокоиться, он услышал громкий грохот — и, конечно, разбились две тарелки.

«Что я говорил?» — Цяо Си пожал плечами и спокойно сказал: «Дорогой господин Шэнь, вы сами видели. Этот долг идёт на ваш счёт. Не забудьте его вернуть».

Обременённый новым долгом, Шэнь Игуан опустил голову и ел лапшу, не смея говорить.

Возможно, из-за того, что он проводил слишком много времени с Цяо Си, Шэнь Игуан постепенно перенял часть его характера — его лицо стало более бесстыдным.

В любом случае, в народе говорится: «Тяжелый долг не давит на человека» и «тот, кто в долгах, тот и настоящий хозяин». Так что он оставил это как есть.

В миске был только очень простой суп с лапшой. Цяо Си даже соли много не добавил. Чистый бульон слегка блестел от масла, и несколько зелёных луковиц плавали на поверхности — он был лёгким и свежим.

Затем, когда Шэнь Игуан жевал лапшу, он с удивлением обнаружил на дне миски яйцо.

Увидев это, Цяо Си небрежно сказал: «Я узнал, что у тебя день рождения слишком поздно, чтобы заранее приготовить пиршество. Так что вот яйцо, чтобы загладить вину».

Он вёл себя так, будто это не имело значения, как будто дать яйцо не было чем-то особенным.

Но Шэнь Игуан знал, что дома осталось не так много яиц. Цыплята, которых вырастил Цяо Си, ещё не выросли, чтобы нести яйца, а дорога в город была заблокирована сильным снегом. Им приходилось считать каждое яйцо, экономить.

Им удавалось есть суп с редиской и яичными каплями только раз в два дня, живя как можно более экономно.

И всё же экономный Цяо Си сегодня великодушно отдал ему целое яйцо.

Целое!

Цяо Си даже не пожадничал выковырять желток.

Шэнь Игуан был переполнен эмоциями. Неосознанно он начал жить, как Цяо Си, — экономно и благодарно за каждую мелочь. Даже яйцо вызывало у него глубокую благодарность.

Он поднял голову и посмотрел на Цяо Си нежным взглядом, сказав: «Я не смогу съесть его один. Как насчёт того, чтобы мы втроём разделили его?»

С этими словами он разделил мягкое белое яйцо на три части — одну для Цяо Си, одну для себя и кусочек для Цэньэра.

В этом доме денег было в обрез, и они жили далеко не в достатке. Даже одно яйцо приходилось делить на троих. Но когда Шэнь Игуан медленно жевал, он чувствовал сладость счастья.

В прошлые годы его день рождения всегда проходил на границе. Щедрое ежегодные подарки императора, доставки из столицы, отправленные по всей стране, письма и тёплые пожелания от друзей издалека и вблизи...

Он всегда щедро делился императорскими наградами и едой Чжияю со своими братьями. Ночью они разводили костёр, пили и ели мясо — празднуя и канун Нового года, и его день рождения.

В этом году был его двадцатый день рождения, самый важный в жизни — без гор подарков, без приветствий от друзей и семьи и без закалённых в боях братьев, чтобы посмеяться вместе.

Просто маленький дом, трое людей, которые полагаются друг на друга, миска простого супа с лапшой и одно яйцо, разделённое на троих.

Так скудно — но сердце Шэнь Игуана было тёплым.

Даже если никто не праздновал за него, даже если никто не помогал завязывать волосы, он был доволен.

Он чувствовал себя бесконечно удачливым, что человеком, который тогда приютил его, был Цяо Си.

Встретить его — должно быть, судьба, заслуженная добродетелями многих прошлых жизней.

Человеческая память была самой ненадёжной вещью, часто бессознательно приукрашивающей прошлое.

Как и сейчас — Шэнь Санлан никогда не упоминал, что Цяо Си изначально не собирался его спасать. Он в отчаянии вцепился в Цяо Си, отказываясь отпустить, что и привело ко всему

последующему.

В ту новогоднюю ночь Цяо Си запретил кому-либо спать. Даже Цэньэр изо всех сил старался не заснуть, широко раскрыв глаза и считая часы. Пока наконец снаружи не взорвались петарды.

Цяо Си молча считал в уме, а затем громко крикнул: «С Новым годом!»

Цэньэр закрыл уши от шума петард и повторил: «С Новым годом!»

Шэнь Игуан улыбнулся в ответ и тихо сказал: «С Новым годом».

Чтобы согреться, трое из них втиснулись на одну кровать, накрывшись одним одеялом, совсем как настоящая семья. Трудно было поверить, что они знали друг друга едва ли два месяца.

Снаружи продолжали трещать петарды. Цэньэр, хотя и был взволнован, был ещё молод и не мог долго держаться — он вскоре крепко заснул. Вскоре после этого Шэнь Игуан лёг, так и не раздевшись.

Только Цяо Си лежал и смотрел на совершенно чёрный потолок, погружённый в свои мысли.

В душе он молча сказал:

С Новым годом, дедушка.

Это был его первый Новый год в древние времена и первый без дедушки.

Раньше, когда он учился вдали от дома, даже если не мог вернуться, он мог позвонить или поговорить по видео, вместе с дедушкой считая секунды до Нового года. Но с этого года дедушки больше не было.

Возможно, только в такие моменты воссоединения Цяо Си позволял себе остановиться, выделить время, чтобы оплакать своего единственного родственника. Он предпочитал верить, что, возможно, его дедушка тоже чувствует себя хорошо в другом мире.

—

Поздняя ночь.

Петарды снаружи стихли, и вся деревня Таоэ крепко спала — кроме Шэнь Игуана, который прснулся в самое неподходящее время.

На этот раз это было не из-за кошмара.

Он тихо сел, долго колебался, а затем, с видом человека, идущего на смерть, засунул руку под одеяло. Через мгновение он вытащил руку обратно.

Честно говоря, он не мог сказать, что страшнее: кошмар или эротический сон.

У парня восемнадцати-девятнадцати лет естественно просыпались желания. Шэнь Игуан мало знал о любви, но он не был глуп. Хотя у него было мало знаний или опыта близости, годы, проведённые в армии в окружении грубых мужчин, кое-чему научили его. Слушая их пошлые истории каждую ночь, он понял, что у людей есть желания.

Говорили, что эротические сны не оставляют следа и их не следует принимать всерьёз — это иллюзии.

Но...

Он действительно не мог это игнорировать.

Потому что человеком, с которым он был во сне... это Цяо Си!

Шэнь Игуан не смел признаться в этом — не смел даже думать об этом.

Цяо Си спас и его, и Цэньэра. Он был стойким, достойным восхищения — Шэнь Игуан уважал и ценил его и думал о том, чтобы отплатить ему в будущем.

Но только не такой благодарностью.

Кто же отплачивает своему спасителю тем, что живёт за его счёт, а потом пытается залезть в его постель!?

Особенно учитывая, что во сне его поведение по отношению к Цяо Си совершенно не было той благодарностью, которую заслуживает спаситель. Цяо Си так жалобно плакал... хотя, даже плача, он выглядел красивее обычного — Шэнь Игуан не мог отвести взгляда.

Из-за этого Шэнь Игуан чувствовал себя ещё более пристыженным.

Жар всё ещё сохранялся на его теле. Он предположил, что это последствия сна, и не придал этому значения.

Потому что, в отличие от большинства Тянь Цянь, Шэнь Игуан никогда не переживал настоящего периода Дождя и Росы и не осознавал, что могут означать тонкие изменения в его теле.

—

Следующее утро — Новый год.

У Цяо Си выработался биологический ритм, и он просыпался в одно и то же время каждый день. Даже несмотря на то, что они засиделись допоздна накануне, его глаза открылись в обычный час.

Жизнь в сельской деревне не предполагала ночной жизни. Цяо Си обычно хорошо высыпался. Лежать ему надоело, поэтому он встал и оделся.

В последнее время он приобрёл привычку заниматься утренней зарядкой, изучая основы боевых искусств у Шэнь Игуана. Будь то психологически или нет, он чувствовал себя сильнее.

Маленькое лицо Цэньэра всё ещё было спрятано под одеялом, крепко спало. Не желая его будить, Цяо Си на цыпочках обошёл комнату, оделся и встал с кровати.

Проходя мимо кровати Шэнь Игуана, он увидел, что она пуста — как и ожидалось. Он предположил, что парень, должно быть, уже ушёл на тренировку. Неудивительно, что у него такие мышцы.

Думая об этом, Цяо Си открыл дверь и вышел во двор — и встретился взглядом с Шэнь

Санланом, который сидел на корточках у таза с водой и безнадёжно оттирал свои подштанники с лицом, полным страданий.

Чувствуя себя виноватым, что его застали на месте преступления, Шэнь Игуан запаниковал и резко дёрнул — ррраз — и порвал свои единственные оставшиеся трусы.

Цяо Си: «.....»

Конечно, то, что кто-то стирает свои подштанники, его не касается, но —

Кто встаёт затемно в Новый год, чтобы стирать свои подштанники!?

Что у тебя в душе творится!?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17973/1729986>